

ГЛАВА II

«ПАКТ О НЕНАПАДЕНИИ ЕСТЬ ПАКТ О МИРЕ МЕЖДУ ДВУМЯ ГОСУДАРСТВАМИ»

В феврале 1939 г. был снят со своего поста народный комиссар иностранных дел СССР Литвинов. Это вызвало шоковую реакцию в мире, так как отставка руководителя внешнеполитического ведомства означала неизбежную смену международных ориентиров Советского Союза. А в условиях стремительно нараставшей военной опасности это вызывало естественную тревогу в демократических странах, но отнюдь не в фашистской Германии. Предвидя отставку Литвинова, 13 февраля 1939 г., ссылаясь на английскую газету «Дейли телеграф энд морнинг пост», берлинское радио заявило, что под предлогом преклонного возраста скоро уйдет в отставку нарком иностранных дел СССР. «Причина отставки заключается в том, что Литвинов потерпел полное фиаско в попытке превратить Лигу Наций в антифашистский фронт». В качестве его вероятного преемника газета называла «Булганина, который в настоящее время занимает пост председателя Совнаркома РСФСР». Газета подчеркивала, что Булганин является чистокровным русским, а не польским евреем, как Литвинов¹.

13 мая 1939 г. в корреспонденции из Москвы германская газета «Националь-цайтунг» опубликовала статью «Литвинов-Финкельштейн и Молотов».

В статье говорилось, что трудно себе представить большую противоположность характеров, чем у Литвинова-Финкельштейна и его преемника в Комиссариате иностранных дел, премьер-министра Молотова. Говорливый собеседник, на все руки мастер, видевший свою задачу в том, чтобы танцевать на женевском паркете, должен был уступить свой пост человеку, не обладающему ни одним из тех свойств, которые называют «дипломатическими».



Литвинов, отмечал автор, провел половину жизни в качестве эмигранта за границей — в Англии, Франции, Германии и Швейцарии. Как нарком иностранных дел, всегда с удовольствием пользовался каждой возможностью, чтобы в Европе дышать воздухом Запада. Его преемник Молотов никогда не покидал Россию и не владеет ни одним из иностранных языков.

«Для высокого поста, который Молотов занимает сейчас в Советском государстве, — подчеркивалось в статье, — решающим было то, что он очень рано встретился со Сталиным. В период внутренней борьбы за власть Молотов всегда стоял на стороне Сталина... В московских политических кругах существует мнение, что многоопытный Литвинов-Филькенштейн, несмотря на его известную всему миру изворотливость, в решающий момент — отказал. Фанатический антифашизм сильно помутил взгляды еврея Филькенштейна на действительность. Несомненно, что его готовность к слишком крепкой связи с интересами демократии привела его к этому, роковому для него, конфликту с Кремлем».

Сталин, говорилось в статье, в своей внешнеполитической речи несколько недель тому назад (на XVIII съезде ВКП(б)) ясно изложил курс Советского Союза, заявив, что Советский Союз не будет таскать каштаны из огня для каких-либо капиталистических стран. «Молотов должен служить порукой, что его (Сталина. — *Р.И.*) воля в области внешней политики непременно будет осуществлена. Тесная дружба со Сталиным позволяет ему одновременно более близко вникнуть в заботы и сомнения, которые определяют в настоящее время политику Кремля»².

В связи с отставкой Литвинова в странах англофранцузского блока началась оживленная дискуссия по широкому кругу проблем, касавшихся менявшегося внешнеполитического курса СССР. Показателен в этом плане приводимый ниже материал.

ТАСС 4 июня 1939 г. опубликовал статью «Литвинов и после» из ежемесячного английского журнала «Контемпорери ревью». В ней говорилось, что отставка Литвинова с поста народного комиссара иностранных дел вызвала шквал комментариев на Западе, но прошла почти незамеченной в СССР. «Сталин, очевидно, не считает, что его граждане имеют какое-либо право знать, почему человек, который являлся руководящим членом правительства, был неожиданно снят со своего поста». Впервые руководящий деятель в СССР снят, но не репрессирован, отмечалось в статье.

В комментарии английского автора четко прослеживалось сожаление и тревога в связи с отставкой Литвинова. И это было естественно, так как он был сторонником ориентации советской военной политики на Англию, Францию и другие демократические страны.

Оценивая внешнеполитический курс Советского Союза «Контемпорери ревью» отмечал: «Даже наиболее заклятые враги большевизма не могут утверждать, что СССР имеет какие-либо территориальные устремления. Советская Россия не преследует экспансионистских целей и не имеет никаких агрессивных планов против соседних и других государств. Ее внутренняя политика и экономическое положение делают сохранение мира, а также теперешнего статус-кво абсолютно необходимым».

Публикация английского журнала была очень показательна. После наметившегося сближения СССР с Германией на Советский Союз и лично на Сталина обрушился шквал обвинений в экспансионизме, в стремлении вернуть с помощью Германии не только территории, потерянные Россией после 1917 г., но и осуществить другие территориальные приобретения в Европе, попытаться решить проблему черноморских проливов.

В этих условиях цитируемая публикация звучала диссонансом. Очевидно, это было не только убеждение автора и журнала, но и попытка способствовать налаживанию политического сотрудничества с СССР в условиях неуклонно возрастающей военной опасности.

Цитируемая публикация отражала настроения тех политических кругов Англии, которые считали, что, пока советско-германское сближение не получило договорное закрепление, следует попытаться вернуть Советский Союз на прежний политический курс сотрудничества с западными демократиями.

Автор делал и прямой реверанс в сторону советского руководителя: «Что бы ни говорили о Сталине, — отмечалось в статье, — он является наиболее находчивым и наиболее реальным политиком нашего времени; он никогда не занимается абстракциями.

В течение нескольких лет Сталину и Гитлеру удалось поддерживать между их странами довольно дружественные отношения, несмотря на взаимные бранные речи, которыми они обменивались время от времени».

В 1934 г., отмечалось в статье, началось франко-советское сближение, что привело к охлаждению отношений СССР с Германией. Могут спросить, говорилось в статье, что же заставило Сталина отказаться от сотрудничества с Германией, которое было весьма полезным для советского режима с самого начала его существования. Выше уже указывалось, что русский диктатор является реальным политиком и не занимается абстракциями. «Следует добавить, что никто лучше его не может понять, в каком направлении работает диктаторская мысль (это неудивительно потому, что диктаторы продолжают учиться друг у друга), и именно поэтому значение,



которое придается Сталиным словам и действиям Гитлера, совершенно отлично от значения, придаваемого этим словам и действиям демократическими политиками.

Сталин знает цену политических программ и манифестов. Не в пример лидерам западных демократий, Сталин никогда не считал «Майн кампф» бредом сумасшедшего. Нет никакого сомнения в том, что в Москве книга Гитлера была не только тщательно изучена и обмозгована, но что советские власти с самого начала были достаточно проницательными, чтобы усмотреть в политической программе определенный план мирового значения».

В статье говорилось, что Сталин, советские руководители видели, что с тех пор, как Гитлер пришел к власти, эта программа выполнялась пункт за пунктом, не встречая оппозиции со стороны остального мира.

Автор в данном случае полностью игнорировал все дипломатические усилия СССР, направленные на предотвращение агрессии Германии в Европе, стремление советской дипломатии создать коллективную безопасность. Причем все антисоветские публикации подчеркивали персональную ответственность Сталина за активизировавшуюся агрессивную внешнюю политику Германии. После подписания советско-германского пакта эта линия стала лейтмотивом всей политики и пропаганды демократических стран Европы и Америки.

Подобные оценки советской внешней политики были очень неубедительны, неаргументированы. У каждого непредвзято настроенного наблюдателя невольно возникал вопрос: СССР заключил пакт с Германией только в августе 1939 г. Но ведь задолго до этого Гитлер начал реализацию своего каннибальского курса, сформулированного в его книге «Майн кампф». Западные страны на практике поддерживали этот курс, а противодействовал ему только СССР.

Автор статьи в «Контемпорери ревью» подчеркивал, что курс Сталина на сближение с Германией объясняется тем, что два диктатора, Гитлер и Сталин, симпатизировали друг другу. Однако при такой постановке проблемы возникал вопрос: почему же советский руководитель не пошел на сближение с Германией в 1933 г., когда Гитлер пришел к власти?

В статье полностью игнорировался важнейший аспект проблемы: Сталин вынужден был пойти на сближение с Германией потому, что все попытки советской дипломатии найти общий политический язык с Англией и Францией не увенчались успехом. Западные демократии всемерно подталкивали Гитлера на новое издание «Дранг нах остен», на агрессию против Советского Союза.

Автор статьи, опубликованной в английском журнале «Контемпорери ревью», с тревогой перечислял вехи агрессии Германии:

вооружения, разрыв Версальского договора, аннексия Австрии, а затем Чехословакии, создание «Великой Германии», окружение Франции и раздел Юго-Восточной Европы — таковы события, свидетельствующие о реалиях внешней политики Германии, говорилось в статье «Литвинов и после».

Автор обращал внимание на то, что в Советском Союзе возвеличивание Сталина приняло такие масштабы, что его начали ставить выше Ленина. В статье подчеркивалось, что в течение многих лет, чтобы Сталин ни делал, он всегда для обоснования своих мероприятий ссылался на соответствующие цитаты из работ Ленина. И только 21 января 1939 года, когда праздновали 15-ю годовщину смерти Ленина, впервые было высказано предположение, что «товарищ Ленин», возможно, был «теоретически прав» во всем том, что он говорил и делал, однако на практике он был в некоторой степени дилетантом, и что всеми своими достижениями советские республики обязаны «руководству товарища Сталина». Мировой коммунизм, который должен возникнуть в результате войны, является эфемерной надеждой, в то время как опасность лишиться всех достижений, по крайней мере, подвергнуться такой угрозе, является реальным фактом. «Поэтому не идеологические разногласия, — отмечалось в статье (оба режима почти идентичны в своих методах управления), — а осознание все возрастающей военной опасности заставило Сталина занять активную антигерманскую позицию».

И никто, по мнению автора, не мог быть более подходящим для проведения этой политики, чем Максим Литвинов, который фактически выполнял функции наркома после долгих лет пребывания на этом посту Чичерина. Литвинов, ставший наркомом в 1930 г., всегда был «западником».

«Внутренняя слабость, — подчеркивал автор, — и боязнь войны заставили Сталина искать дружбы с капиталистическими демократиями, в то время как они в свою очередь нашли, что Россия является весьма полезным партнером в качестве противника тоталитаризма и других стран, которые покидали Лигу Наций».

Англия и Франция, по мнению автора, хотели пойти на договоренность с СССР, но при жестком условии: фактические действия Советского Союза по оказанию военной помощи Чехословакии будут зависеть от Польши и Румынии, от их желания или нежелания пропустить через свою территорию советские войска.

Вопрос о пропуске советских войск через территорию Польши и Румынии действительно обсуждался. Стоял этот вопрос и в повестке дня во время переговоров СССР с Англией и Францией в Москве в августе 1939 г. Польша и Румыния категорически отказа-



ли Советскому Союзу в его просьбе пропустить через их территорию советские войска для оказания помощи Чехословакии. Англия и Франция имели большое влияние на эти страны, но ни та, ни другая страна не предприняли попыток склонить Польшу и Румынию к удовлетворению советской просьбы.

Автор высоко отзывался о дипломатическом таланте советского лидера. «Сталин, — говорилось в статье, — является человеком логики, если он решит присоединиться к новому соглашению, тогда он захочет сделать это на условиях, которые совместимы с достоинством великой державы. Он также желает «почетной компенсации» за изоляцию, которой он подвергался в течение долгого времени. И главным образом он хочет, чтобы не было никаких уверток, которые дали бы возможность «западным демократиям втянуть его в войну с Германией и затем оставить его бороться одного».

С полным основанием автор писал, что Сталин «подозревает, что именно к этому стремились английский и французский кабинеты, и поэтому он не желает рисковать в этом деле»³.

Английский журнал обоснованно отмечал, что Сталин опасался в результате маневров англо-французской дипломатии оказаться втянутым в войну с Германией один на один, без союзников.

Действительно, позади был 1938 г., Мюнхен, где четко проявилось стремление англо-французского блока толкнуть германскую агрессию на Восток, против Советского Союза.

Однако нельзя игнорировать и еще один аспект сложившейся ситуации. Как отмечал известный отечественный историк Г.Н. Севостьянов, «советской дипломатии все же не хватало гибкости, маневренности и тактического мастерства в поисках компромиссов и умения использовать разногласия между партнерами. А они существовали. В Лондоне и Париже по-разному оценивали ситуацию в Европе и возможность заключения договора с СССР»⁴.

В рассмотренной выше статье в английском журнале «Контемпорери ревью» отмечалось, что не следовало переоценивать значение отставки Литвинова. В статье говорилось: «Два факта остаются неизменными:

1) Сталин всегда имел свою собственную внешнюю политику, а Литвинов был только инструментом в его руках, 2) Без полного участия России теперешняя система гарантий, построенная Англией и Францией, окажется не только бесполезной, но и опасной для нас самих и для наших новых союзников».

Предвидение автора полностью оправдалось. Англофранцузская система гарантий малым государствам Европы оказалась без Советского Союза безжизненной. Более того, она втянула Великобританию и Францию во Вторую мировую войну в крайне невыгодных

для них условиях, когда СССР занял нейтральную позицию, но ориентированную на Германию, а не на западные демократии.

В заключение статьи подчеркивалась исключительная роль СССР в обеспечении безопасности: «В качестве нейтральной и даже, возможно, недружественной страны Россия может быть опасной. Однако если она присоединится к Германии, то это было бы таким ударом, последствия которого трудно даже представить»⁵.

Приведенная публикация показательна для той части правящих кругов и общественности демократических стран, которые были очень обеспокоены сближением между СССР и Германией и пытались хотя бы в какой-то мере воспрепятствовать этому.

И все же верх в демократических странах брали те силы, которые не видели никаких перспектив на улучшение отношений с Советским Союзом и занимали по отношению к нему и лично к Сталину открыто враждебную позицию.

Типичной с этой точки зрения была приводимая ниже публикация. 15 июня 1939 г. английский журнал «Уикли ревью» опубликовал статью «Сталинская загадка». В статье определялись причины трудностей в переговорах СССР с Англией и Францией. «Имеется тенденция, — говорилось в публикации, — взвалить всю вину за проволочку в переговорах на Чемберлена. Однако мы не должны принимать всерьез эти глупые поношения. Мне кажется, что если и следует ругать кого-нибудь за проволочку в переговорах, то во всяком случае не английский кабинет». Автор заявлял, что за сложности в переговорах с Советским Союзом ответственен советский руководитель: «Главным виновником, несомненно, является Сталин. Именно он создает трудности и ставит препятствия, которые делают нахождение формулы чрезвычайно затруднительным».

Как видно из статьи, Сталину предъявлялось главное обвинение за срыв попыток найти пути сближения между СССР и западными демократиями. Однако не приводилось ни одного примера, подтверждающего такое обвинение.

По мнению автора, позиция Сталина определялась не какими-либо международными факторами, а только нестабильным внутренним положением в СССР. Причем рисовалась внутренняя ситуация в Советском Союзе в самых мрачных тонах. Истинное положение вещей, говорилось в статье, заключается в том, что Сталин, ведя войну с русским народом, боится брать какие-либо обязательства, которые могли бы втянуть его в вооруженный конфликт. Ему очень хорошо известно, что это дало бы возможность вылиться наружу той глубокой ненависти, которая накапливалась в течение ряда лет у подавляющего большинства русского народа.



Главную оппозицию Сталину журнал видел в крестьянах: «80% населения СССР — крестьяне, которые находятся в особо резкой оппозиции к сталинскому режиму. 1,5 млн “кулацких” хозяйств было уничтожено, 5 млн “кулаков” истреблены». В статье давалась характеристика бедственного положения в сельском хозяйстве Светского Союза, что явилось, подчеркивал автор, следствием коллективизации⁶.

Автор обоснованно отмечал, что Сталин боялся вовлечения Советского Союза в войну. Однако причина этого была не в опасениях выступлений со стороны крестьянских масс страны. Впрочем, и Сталин, и все руководство СССР, действительно, не могло сбрасывать со счетов тот факт, что 5 млн «раскулаченных» были серьезной проблемой для государства в канун войны. Не менее серьезные проблемы породили и массовые репрессии 30-х годов. Однако главное заключалось в другом — не были еще решены важные проблемы индустриализации, запуска в серийное производство новых танков и самолетов, вооруженные силы были обескровлены массовыми репрессиями.

Неблагоприятным было и международное положение СССР. Япония уже испробовала надежность обороны советских границ в районе озера Хасан. В Маньчжурии шла быстрая концентрация мощной японской квантунской армии. Разведка докладывала о подготовке новых военных провокаций со стороны Японии, и действительно, скоро начались тяжелые бои советских и монгольских вооруженных сил с японской армией в Монголии, в районе реки Халхин-Гол.

А на западной границе СССР реально вырисовывалась угроза немецкой агрессии. Мюнхенский сговор и последующие дипломатические акции Англии и Франции убедительно свидетельствовали о том, что они упорно толкали Германию на Восток, против Советского Союза.

Для подготовки к войне надо было решить еще одну важную проблему.

5 мая 1941 г., выступая на банкете в Кремле по случаю выпуска курсантов военных училищ, Сталин говорил: «Нам необходимо перестроить наше воспитание, нашу пропаганду, агитацию, нашу печать в наступательном духе. Красная Армия есть современная армия, а современная армия — армия наступательная»⁷.

Из приведенных слов Сталина некоторые историки, в том числе и отечественные, делают вывод, что Советский Союз готовил превентивный удар по Германии, но Гитлер опередил его 22 июня 1941 г. От такой постановки вопроса всего полшага до оправдания гитлеровской агрессии против СССР.

У Сталина были серьезные опасения, что СССР, не готовый к войне (скоро война с Финляндией докажет это), будет втянут в

мировой конфликт при крайне не выгодных для него условиях.

Симптомы советско-германского сближения были очевидны. Уже первые зарубежные комментарии на отставку Литвинова свидетельствовали о том, что Сталин не просто в очередной раз перетряхнул одну из важнейших структур государственного управления. Это было свидетельство подготовки к кардинальной перемене внешнеполитического курса.

Перед Сталиным было два выбора: союз с Англией и Францией или сближение с Германией. С политической и моральной точки зрения союз с Англией и Францией был предпочтительней, чем блок с Германией.

Однако найти общий язык с англо-французским блоком оказалось для СССР столь же трудной задачей, как для Лондона и Парижа поверить в искренность желания Москвы пойти на взаимопонимание с ними.

Недоверие к Советскому Союзу и лично к Сталину нашло проявление уже в том, что на переговоры в Москву в августе 1939 г. приехали второстепенные военные и политические деятели двух стран.

«В свою очередь, и советское руководство, — пишет академик Г.Н. Севостьянов, — проявляло недоверие и подозрительность к намерениям западных партнеров. С обеих сторон классовые интересы во время переговоров преобладали над национальными и общечеловеческими»⁸.

В ходе переговоров нарком обороны СССР маршал К.Е. Ворошилов назвал конкретные цифры — сколько дивизий, танков, самолетов советская сторона готова немедленно выставить против Германии. Англо-французская сторона не была уполномочена ответить что-либо конкретно по вопросу о том, какие силы и когда она сможет поставить на фронт совместной борьбы с германским агрессором.

В Берлине с напряженным вниманием следили за ходом переговоров в Москве. Как только стало ясно, что переговоры провалились, от Германии последовало предложение прислать в Москву министра иностранных дел Риббентропа.

Советско-германские переговоры были недолгими. 20 августа 1939 г. Риббентроп по просьбе Берлина получил приглашение прилететь в Москву, а 23 августа был подписан советско-германский пакт.

Многие отечественные историки рассматривают советско-германский пакт 1939 г. как вынужденное, но необходимое решение. Аргументы этой группы историков наиболее детально изложены в монографии известного отечественного специалиста по дипломатической предыстории Второй мировой войны В.Я. Сиполса.



1 сентября 1939 г. Германия напала на Польшу, говорится в этой работе. Германские войска двигались на восток, и в Москве было решено, что одних обязательств Германии по договору от 23 августа 1939 г. для обеспечения безопасности страны уже недостаточно. Требуется дополнительные меры.

Особую опасность представляли события в Польше. К середине сентября 1939 г. Польша потерпела полное поражение и правительство бежало из Варшавы. СССР был заинтересован в том, чтобы продвижение немецких войск на восток остановилось по возможности дальше от наших границ. Но существовала опасность, что, продолжая наступление, германские войска оккупируют западные районы Украины и Белоруссии, захваченные Польшей в 1920 г.

17 сентября, отмечается в книге, советские войска вступили в эти районы. 28 сентября в результате нового приезда в Москву Риббентропа был подписан договор о линии разграничения «государственных интересов» СССР и Германии на территории бывшего Польского государства, а конкретно — о линии разграничения там советских и германских войск. Тем самым была устранена в то время опасность вооруженного столкновения между ними, т.е. войны между двумя государствами⁹.

Такова интерпретация автором вопросов, связанных с советско-германским договором, подписанным 28 сентября 1939 г.

В СССР долго отрицали наличие секретных протоколов к советско-германскому договору.

На втором Съезде народных депутатов СССР по докладу комиссии было принято постановление «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 г.», где говорилось, что договор заключался в критической международной ситуации и имел одной из целей отвести от СССР угрозу надвигавшейся войны. Что касается секретных протоколов, подписанных с Германией в 1939—1941 гг., то съезд осудил факт их подписания и констатировал, что они были отходом от ленинских принципов советской внешней политики. «Переговоры с Германией по секретным протоколам,— сказано в постановлении,— велись Сталиным и Молотовым втайне от Советского народа, ЦК ВКП(б) и всей партии, Верховного Совета и правительства СССР»¹⁰.

Заключение советско-германского пакта было воспринято в демократических странах как самая неожиданная и очень болезненная для них политическая сенсация.

Американский автор писал в 1940 г., что в демократических странах опасались, что «Германия и Россия объединятся». Эти опасения появились еще в период соглашения между Германией и Рос-

сией в Рапалло в 1922 г. Они усилились «после успехов нацистов, чья система в своей основе была столь идентична со сталинской Россией»¹¹.

Этот лейтмотив западной пропаганды будет звучать на протяжении всей войны и в самых различных вариантах, но суть его будет одна: в Германии и Советском Союзе были идентичные в своей основе политические режимы. Если это так, то закономерно возникает вопрос: почему же в конце концов эти два государства оказались в противоположных военно-политических лагерях? Почему Германия совершила нападение на СССР? Ведь известно, что ворон ворону глаз не выклюет.

Этот вопрос пропаганда Запада оставляла без ответа. Не отвечают на него и те отечественные историки, которые утверждают сегодня, что не было принципиальной разницы между режимами Гитлера и Сталина.

Подписание пакта между СССР и Германией ставило перед демократическими странами вопрос: что дальше? «Планировал ли Сталин остаться строго нейтральным, или же он намерен объединить свои силы с нацистами, оказать им большую экономическую помощь, если начнется война, а возможно, даже воевать как союзник совместно с Германией?»^{12–13}.

Американский дипломат, крупнейший в США специалист по Советскому Союзу Чарлз Болен констатировал, что советско-германский пакт «для многих оказался подобен землетрясению».

Самый крупный в США авторитет по изучению американского общественного мнения в годы Второй мировой войны Р. Леверинг писал: «...Единственный прогноз о возможности установления дружественных отношений (между Гитлером и Сталиным) был сделан В.Г. Кривицким в «Сетэрдей ивнинг пост» в конце апреля 1939 г. «Сегодня нет другого столь распространенного в мировом масштабе мифа, — заявлял Кривицкий, — как тот, который представляет Гитлера и Сталина как смертельных, непримиримых врагов. Действительная ситуация определяется присутствием настойчивого просителя, которого не обескураживает отказ. Сталин является таким просителем»¹⁴.

Делает честь бывшему советскому разведчику, что он смог предвидеть заключение советско-германского пакта. Впрочем, располагая таким объемом информации, который имел Кривицкий, сделать это было не столь уж трудно.

Но бывший разведчик явно передергивал факты, характеризуя Сталина как просителя в его отношениях с Гитлером. Советский руководитель жестко и умело отстаивал государственные интересы



Советского Союза и перед Гитлером, и в последующих союзнических отношениях с Черчиллем и Рузвельтом.

Р. Леверинг следующим образом оценивал взгляды на Гитлера и Сталина в США: «К концу 30-х годов большинство американцев пришло к заключению, что человек, который... написал “Майн кампф”, был самым отъявленным негодяем... Иосиф Сталин был столь же плох для них, а, может быть, даже и хуже, но он был котенком по сравнению с немецким тигром по своим возможностям и очевидному стремлению опрокинуть международный статус-кво»¹⁵.

Трудно сказать, кого больше всего поразило сообщение — зарубежные страны или Советский Союз.

Для советских людей, мало осведомленных о хитросплетениях мировой политики и дипломатии, хорошо известно было только одно: фашизм — это враг. С ним совсем недавно шли бои в Испании, против фашизма работал весь мощный советский пропагандистский аппарат. И вдруг такая потрясающая метаморфоза.

Общественность страны была приучена к дисциплине, к тому, что руководство СССР последовательно защищает интересы государства на международной арене и этому руководству всегда и во всем надо верить. И тем не менее пакт с фашистской Германией не укладывался в сознание большинства советских людей.

Зарубежная печать сообщала о том, что в СССР реакция на пакт со стороны широких масс населения была очень болезненной.

Руководитель ТАСС Я. Хавинсон направил «тов. Поскребышеву... для сведения» статью из газеты «Работник» (очевидно, издававшейся в Болгарии. — *Р.И.*). В статье говорилось: «На большинстве московских фабрик в четверг рабочие объявили короткие забастовки протеста, во время которых были разорваны советские газеты с фотографиями Сталина и Молотова с фон Риббентропом и Гаусом». Сообщалось, что «забастовщики в речах и лозунгах вспоминали старых большевиков и вождей Красной Армии, расстрелянных за мнимое сотрудничество с гестапо и Гитлером и выдачу государственных и Революционных тайн».

Не менее сильно, сообщала газета, реагировал офицерский корпус, и в особенности небывалый переполох охватил тех офицеров, которые сделали себе за последние несколько лет карьеру на разоблачении маршалов Тухачевского, Егорова, Блюхера и тысяч их сотрудников как германских агентов. «Ходят слухи о массовых самоубийствах. Комсомольские и коммунистические круги поражены и возмущены». Газета писала, что в Москве проводятся массовые обыски. Специальные войска ГПУ работают без отдыха, стараясь подавить в зародыше бунт и недовольство. «В связи с этим в Кремле

беспрерывно заседает Политбюро... на заседаниях дело доходит до сильных споров и ссор. Жданов, Андреев и Ворошилов сильно нападали на новый курс политики, заявляя, что сейчас целиком ликвидировано то, что за последние два года делалось в области систематического планового и полного уничтожения всех остатков Рапалло и раздувания антигерманской ненависти в форме антифашистских выступлений».

На 28 августа, отмечала газета, намечена чрезвычайная сессия Верховного Совета СССР. Сталин вряд ли возьмется за неблагодарную работу выступить на сессии с докладом, чтобы объяснить причины столь резкого поворота в советской внешней политике. Вероятнее всего, это будет поручено Молотову¹⁶.

Так действительно и произошло. С докладом выступал Молотов.

«Нью-Йорк таймс» поместила статью своего корреспондента из Москвы, в которой говорилось о резко отрицательном отношении простых советских людей к пакту с Германией. В статье говорилось о том, что пакту суждена недолгая жизнь, что Гитлеру нельзя доверять, что Германия обязательно нападет на СССР.

Газета сообщала также, что с экранов кинотеатров исчезли антифашистские фильмы «Профессор Мамлок» и «Семья Оппенгейм». В Театре им. Вахтангова сняли с репертуара пьесу Алексея Толстого «Путь к победе», в которой говорилось о немецкой интервенции во время Гражданской войны в России. Была прекращена демонстрация фильма «Александр Невский»¹⁷.

Своеобразная реакция на советско-германский пакт была в Германии. Стамбульская газета «Тан» 28 августа 1939 г. сообщала: «Публика шутит на улицах Берлина по поводу германо-советского договора и, приветствуя друг друга, вместо обычного — хайль Гитлер, говорит — хайль Сталин»¹⁸.

Европа была в шоке: на континенте возникла совершенно новая расстановка военно-политических сил. Мюнхен сыграл злую шутку с инициаторами и исполнителями подталкивания Германии к нападению на Советский Союз. Пакт с СССР страховал Гитлера на Востоке и развязывал ему руки на Западе. Германия обеспечила себе возможность начать войну против англо-французского блока.

Эта возможность была реализована 1 сентября 1939 г. нападением Германии на Польшу. Началась Вторая мировая война.

Когда страна оказывается вовлеченной в войну столь грандиозного масштаба, которая неизбежно будет сопровождаться колоссальными жертвами и огромными материальными потерями, правительство обязано объяснить народу, что произошло, каковы причины войны, можно ли было избежать этого бедствия.



После начала войны четко прослеживалась линия и в правящих кругах англо-французского блока, и в пропаганде возложить ответственность за начало войны не только на Германию, но и на Советский Союз, персонально на Сталина.

Английская газета «Дейли геральд» 25 сентября 1939 г. поместила статью «Русская загадка разрешена». В начале статьи ставился вопрос: в чем причина столь резкой метаморфозы советской внешней политики — заключения советско-германского пакта?

Ответ был категоричен: «Иосиф Сталин на сегодня (вне зависимости от того, каким он был в молодости) является империалистом. Он стремится не к благосостоянию советских народов, а к власти, к увеличению экспансии государства, которым он управляет как самодержец. Оглянитесь назад, и вы увидите, как тема о власти пронизала в течение ряда лет речи окружающих его людей. Как только “старые большевики” сошли со сцены, новый большевизм изменил свой язык, свой образ действий, свой метод мышления и, подобно якобинству, превращается в бонапартизм.

Героем Сталина — официальным героем нового большевизма является Петр Великий — царь, который начал экспансию России на Запад, подчинил Украину и завоевал балтийские государства».

Автор называл Сталина последователем Петра Великого и отмечал, что возвращение назад потерянных Россией областей становилось все более притягательной целью¹⁹.

Руководство ТАСС докладывало Сталину о важнейших статьях Троцкого, оценки которым мировых событий и прогнозы представляли несомненный интерес. Так, в статье, опубликованной Троцким в октябре 1939 г. в «Нью-Йорк таймс», говорилось: «Крайне невероятно, чтобы Москва сейчас выступила на стороне Гитлера против колониальных империй». Враг Сталина № 1 правильно предвидел, что «Москва попытается добиться... завоеваний в Балтийском море», что «вмешательство США (в войну. — Р.И.) абсолютно неизбежно». Троцкий писал, что Сталин «не намерен при помощи войны разжечь мировую революцию... Судьба революции будет решаться не в Галиции, не в Эстонии, не в Латвии и не в Бессарабии. Она будет решаться в Германии, но там Сталин поддерживает Гитлера. Она будет решаться во Франции и Англии, но в этих странах Сталин нанес смертельный удар коммунистическим партиям. После сентябрьского пакта коммунистическая партия США долго не просуществует. Польша будет жить и дальше, а Коммунистический Интернационал — никогда».

Оправдался и этот прогноз Троцкого. Пройдет несколько лет, и в 1944 г. коммунистическая партия США на короткое время, до июля

1945 г., но перестанет существовать. Польша освободится от фашистской оккупации и возродится как независимое государство, а в 1943 г. Коммунистический Интернационал будет распущен Сталиным.

В Европе и во всем мире нет правительства, заявлял Троцкий, которое в данный момент боялось бы революции больше, чем привилегированная каста, правящая в СССР. Кремль считает себя неустойчивым, а революции заразительными. Именно потому, что Кремль боится революции, он боится и войны, которая ведет к революции.

В данном случае Троцкий явно передергивал факты. Сталин действительно боялся войны. Однако только по одной причине — он лучше, чем кто-либо другой, знал, что страна не готова к ней. И вскоре война с Финляндией убедительно докажет это. Никто лучше Сталина не знал, насколько армия обескровлена и обезглавлена массовыми репрессиями. Не был закончен и процесс перевооружения вооруженных сил новой современной военной техникой.

Из аргументации Троцкого читатель не мог понять, действительно ли Сталин боится революции, а если да, — то возникал вопрос: почему он должен ее бояться? Троцкий не давал ответа на этот вопрос.

«Для того чтобы заставить Кремль изменить свою политику, — подчеркивал Троцкий, — остается только один, но верный путь. Необходимо нанести Гитлеру такой сокрушительный удар, чтобы Сталин перестал бояться его. В этом смысле можно сказать, что самый важный ключ к политике Кремля в настоящее время находится в Вашингтоне»²⁰.

Эта точка зрения Троцкого была обоснованна. Огромный военно-экономический потенциал США сыграл важную роль, когда он в декабре 1941 г. был брошен на чашу весов Второй мировой войны, когда США стали ее участником.

Отмечая обоснованность и глубину анализа Троцким отдельных сложнейших военных, социально-экономических и общественно-политических проблем Второй мировой войны и политики Сталина, необходимо учитывать один главный аспект. Троцкий до глубины души ненавидел Сталина, имея для этого самые серьезные основания. Естественно, что соответствующее его отношение к советскому руководителю переходило и на оценку государственного, политического строя, созданного Сталиным в Советском Союзе.

А ненависть, как известно, затемняет и самый яркий рассудок, а у Троцкого таковой, безусловно, присутствовал. Ненавидя Сталина и СССР, Троцкий не мог дать объективной оценки ни внутренней, ни внешней политики советского руководителя.



Это, в частности, касалось и вопроса об отношении Сталина к вопросу о мировой революции.

Мне представляется, что был прав Карл Радек, который в 1934 г. писал: «Под видом интернационализма она (оппозиция. — *Р.И.*) предлагала отказ от выполнения советским пролетариатом его интернациональной задачи — обеспечить роды международной пролетарской революции победоносным социалистическим строительством в СССР, построением бесклассового социалистического общества».

Аналогичную оценку отношения Сталина к мировой революции давал и Коминтерн. Поздравляя И. Сталина с 50-летием, Президиум ИККИ 20 декабря 1929 г. писал: «На пороге нового революционного подъема ваше руководство неocenимо... в подготовке наступления пролетариата Запада и угнетенных колоний на решающие позиции империализма». Коминтерн был убежден в том, что «международный пролетариат на фактах убедился в победоносном строительстве социализма в СССР, ставшем величайшим рычагом мировой пролетарской революции»²¹.

Западная печать, в частности американская, не брезговала публикацией и суждений таких уже отработанных историей деятелей, как Александр Керенский.

Под заголовком «Бредовые высказывания Керенского» ТАСС сообщал: «Газета “Нью-Йорк геральд трибюн” 19 сентября 1939 г. опубликовала высказывания Керенского на частном обеде. “Александр Керенский, бывший премьер Временного правительства России, — пишет газета, — предсказал вчера крах сталинской диктатуры в Советском Союзе и восстановление сильной национальной демократической России. Это будет, сказал он, одним из следствий подписания договора между Советским Союзом и Гитлером. Этот договор привел к совместному вторжению двух стран в Польшу. Русский народ ненавидит и мечтает разрушить диктатуру Сталина. Это особенно правильно в отношении молодого поколения Советского Союза”».

На мой взгляд, прогноз Керенского о том, что в результате войны произойдет, по его выражению, «крах сталинской диктатуры», оправдался. Оправдался в том смысле, что война способствовала развитию тех процессов, которые в конечном счете привели к крушению Советского Союза. Произойдет это спустя полстолетия после окончания войны, но 50 лет — это не срок в масштабах истории.

Напрашивается определенная историческая параллель с Отечественной войной 1812 г., которая точно так же оказала большое влияние на развитие общественно-политических процессов в России. Но следствие этих процессов — восстание декабристов — произошло не сразу после войны, а в 1825 году.

Война, действительно, стимулировала развитие процессов, которые подтачивали, может быть, не столь быстро, но верно, советский монолит. В результате войны половина Европы стала сферой советского влияния. Но Советский Союз не смог «переварить» это огромное территориальное приобретение и в конце концов скончался от «несварения желудка».

Имеется в виду то, что процесс крушения социализма как системы начался именно в странах Центральной и Восточной Европы. Основы советской политики в этом огромном регионе, которые отнюдь не отличались демократизмом, были заложены Сталиным. Они, конечно, с течением времени модернизировались, но главное — примат советской политики в жизни и судьбах этих государств сохранился до дня крушения социалистической системы. Отсюда и такие события, как смертельная схватка между Сталиным и югославским лидером Тито в конце 40-х годов, события 1953 г. в ГДР, 1956 г. — в Венгрии, 1968 г. — в Чехословакии, в 80-х годах — в Польше. Эти события в социалистических странах Европы оказали свое воздействие на политические процессы перестройки, происходившие в СССР в 1985—1991 гг.

Все сказанное о крушении социализма не означает одобрения автором Беловежского соглашения. Была возможность модернизирования и сохранения Советского Союза как великой державы, но она не была использована. Три лидера, «распустивших» в декабре 1991 г. в Беловежье СССР, не создавали этого Союза и не имели юридического права его ликвидировать. В Беловежье было сделано черное, незаконное дело, трагические последствия которого переживают сегодня все страны СНГ.

Удовлетворение от расчленения СССР испытала только правящая верхушка стран СНГ, дорвавшаяся до власти и получившая вместе с ней материальное благополучие. Аналогична позиция и ничтожной по своей численности олигархии, которая присвоила себе народное богатство, созданное тяжелым трудом советских людей.

За годы реформ возникла небольшая, в масштабах России, прослойка мелких и средних предпринимателей. Роды этой прослойки были тяжелыми и с серьезными осложнениями. А в августе 1998 г. по этой тщедушной прослойке, как и по большинству населения страны, дефолтом был нанесен удар чудовишной силы, сравнимый только с массовым ограблением населения страны в 1992 г.

Закономерны вопросы: каковы перспективы общества, возникшего на такой антинародной, грабительской основе? не ожидают ли страны СНГ социальные потрясения, помимо тех «горячих точек», которые уже больше десяти лет дестабилизируют положение на постсоветском пространстве?



Предсказывая крушение «сталинской диктатуре» и восхождение «сильной национальной демократической России», Керенский не мог, конечно, предвидеть тех тяжелейших последствий для подавляющей массы населения страны, которые вызовет уничтожение Советского Союза.

Давая оценку аналитическому потенциалу Керенского, надо отметить, что бывший российский премьер серьезно уступал Троцкому. Но общее между ними было в том, что оба они ненавидели и Сталина, и СССР, что накладывало свой зримый отпечаток на их оценки Сталина и советской политики.

В сообщении «Нью-Йорк геральд трибюн» говорилось: Керенский заявил, что для быстрого достижения крушения сталинской диктатуры необходимо, чтобы государственные деятели Англии и Франции ясно заявили, что они воюют не против русского или германского народа, а против диктаторов этих двух стран. Английские и французские государственные деятели должны заверить русский и германский народы, что разгром Гитлера и Сталина не повлечет за собой унижения народов этих стран или их расчленения. Нужно заверить эти народы в том, что одной из целей западной демократии является облегчение восстановления режима свободы как в Германии, так и в России.

Расчленение Советского Союза, которого так опасался Керенский, произошло, но оно было осуществлено не фашизмом или какой-либо другой внешней силой. Оно было проведено руками самих советских лидеров, «то ни в коей мере не меняет сути проблемы: свершилось то, к чему стремился германский фашизм, совершилось нападение на СССР, — Советская держава перестала существовать. И как горькая ирония истории звучит сегодня мрачная расшифровка СНГ, получившая широкое распространение в народных массах бывших республик СССР, — Сбылись Надежды Гитлера.

Особенно Керенский рекомендовал государственным деятелям Франции и Англии подчеркивать, что, исходя из интересов своего собственного благополучия, западные демократии считают необходимым, чтобы Россия имела сильное демократическое правительство. Будет невозможно установить в Европе равновесие без восстановления сильной национальной демократической России, заявил Керенский. Такая же политика должна быть принята и в отношении Германии. В настоящее время, продолжал он, существенная проблема заключается не только в военной победе, но и в подготовке будущего статута Европы.

«Вся преступная международная политика Сталина за последние четыре-пять лет, — подчеркивал Керенский, — направлена

на то, чтобы втянуть Западную Европу в новую мировую войну. Сталин в результате опытов, проделанных им в период за 15 лет, осознал, что он не может свергнуть западную демократию в мирное время. Поэтому он изменил свою внешнюю политику, чтобы развязать войну, которая ныне охватывает Европу». Последнее заявление Керенского чрезвычайно показательное: даже самые резкие критики Сталина и СССР редко когда отваживались предъявлять Сталину прямое обвинение в том, что он лично ответственен за развязывание войны в Европе.

Если Керенский и был убежден в том, что именно Сталин развязал Вторую мировую войну, то он оставлял без ответа главный в то время вопрос: почему советский лидер взял курс на сближение с Германией, а не с западными демократиями?

Критика Керенского в адрес Сталина была настолько не аргументирована, что не могла оказать сколь-нибудь серьезного воздействия на позицию демократических стран. Сталин не мог «свергнуть западную демократию в мирное время». Тем более, если бы он этого и хотел, он не мог этого добиться путем войны. Сталин был лучше чем кто-либо другой информирован, насколько страна не готова к войне, и он делал все возможное и невозможное, чтобы оттянуть ее начало. А «невозможным» как раз и было заключение пакта с Германией.

Не менее резко Керенский критиковал не только внешнюю, но и внутреннюю политику советского руководителя. Он подчеркивал, что «Сталин держит народ России в полном подчинении при помощи вооруженной силы». Я знаю, говорил Керенский, что огромное большинство русского народа против диктатуры Сталина и что в течение последних 20 лет русский народ боролся и продолжает борьбу за восстановление свободы в России.

«В нынешней войне, — уверял Керенский, — силы, борющиеся за восстановление нормального свободного режима в Европе, найдут себе прекрасного союзника в русском народе»²².

Советско-германский пакт был таким крупным событием мировой политики, его последствия, воздействие на ход войны, на всю международную жизнь столь велики, роль Сталина в заключении этого пакта была настолько очевидна, что комментарии по поводу этого пакта шли широким и непрекращающимся потоком. Причем продолжались эти отклики на протяжении всей войны.

Но, конечно, самые оживленные и профессионально обоснованные комментарии были сделаны по горячим следам, сразу же после заключения пакта.

Английский журнал «Ньюс ревью» поместил в номере от 21 сентября 1939 г. обзор, посвященный германо-советскому пакту.



«Теперь ясно, — говорилось в обзоре, — каким образом фашистский министр иностранных дел фон Риббентроп передал Германию в сталинские когти».

Когда Риббентроп направлялся в Москву, говорилось в обзоре, чтобы подписать русско-германский пакт, Гитлер дал ему инструкцию не возвращаться в Берлин без пакта, ибо фюрер в своей ненависти к полякам готов был купить русский нейтралитет за высокую цену, а русскую помощь за любую цену. «Риббентропу было поэтому разрешено принять любое требование Сталина.

Хозяин Кремля, располагающий превосходной разведкой в Германии, вполне учел эту отчаянную нужду Гитлера. И когда наступил момент подписания пакта, он предъявил Риббентропу три дополнительных протокола и один секретный документ».

С секретным протоколом пакта наша общественность и историки познакомились совсем недавно. И приводимая публикация из английского журнала убедительно свидетельствует о том, насколько демократические страны были информированы о секретных аспектах советско-германского пакта.

В обзоре отмечалось, что в протоколах говорилось:

«1. О праве России действовать как ей заблагорассудится в отношении Эстонии, Латвии и Финляндии; 2. О требовании России участвовать в любом расчленении Польши и ее праве отторгнуть Бессарабию от Румынии и 3. Об исключительном влиянии России и Турции в Болгарии.

Секретный документ содержал декларацию о том, что условия русско-германского пакта не применимы к войне, в которой Германия и Турция были бы противниками».

Риббентроп, говорилось в обзоре, подписал все, поскольку он был озабочен лишь тем, чтобы при возвращении в Берлин иметь пакт в своем кармане. Когда он представил протоколы Гитлеру, последний был охвачен гневом, который стих только после того, как Риббентроп указал, что все германские обещания могут быть позднее подвергнуты «ревизии», если это потребуется.

«Однако Иосиф Сталин также подумал о возможности “ревизии”, зная способность Гитлера пренебрегать своими обязательствами. Сталин поэтому решил не ожидать конца войны для того, чтобы извлечь выгоду. Он быстро захватил свою долю Польши — на тот случай, если не будет Гитлера, а следовательно, не с кем будет делить Польшу».

Балтийские государства — Эстония, Латвия и Финляндия — были очень встревожены русским экспансионизмом, подчеркивал автор. Эти государства увидели, что после того, как они неблагоприятно

отказались от гарантий, предложенных Англией и Францией, «они были покинуты Германией и оставлены на милость Сталина».

Автор явно переоценивал дипломатические, политические и военные потенции Англии и Франции как гарантов мира. Известно, что их гарантии Польше не спасли ее от германской агрессии. Более того, Англия и Франция сами оказались вовлеченными во Вторую мировую войну и при условиях, которые их ни в коей мере не устраивали.

В своем кабинете, отмечалось в обзоре, красный диктатор теперь держит портрет Петра Великого — безжалостного царя, который завоевал побережье Балтийского моря в начале XVIII столетия. «Сталинское честолюбие направлено к тому, чтобы возвратить Красной России это побережье и войти в историю как спаситель империи»²³. В зарубежных комментариях на заключение советско-германского пакта обращала на себя внимание характерная деталь. С одной стороны, отмечалось, что в условиях диктатуры Сталина в СССР при решении всех вопросов внутренней и внешней политики первое и последнее слово принадлежало ему. С другой — много писалось о том, что внутри советского руководства не было единого мнения по вопросу о необходимости столь резкого поворота в сторону сближения СССР с Германией, что прогерманский курс Сталина натолкнулся на оппозицию даже в Политбюро.

Турецкая газета «Тан» 5 октября 1939 г. писала: «Ненадолго до приезда Риббентропа в Москву в Политбюро развернулись очень сильные споры по вопросу о мире и созыве международной конференции».

Из числа советских Народных Комиссаров Андреев и Хрущев, а также председатель Советских республик Калинин голосовали за то, чтобы выдвинуть это предложение. Однако Сталин и ждановская группа резко выступили против того, чтобы делать это предложение. Жданов требовал, чтобы советский нейтралитет защищался и чтобы Германия действовала самостоятельно».

На этом же заседании Политбюро, писала газета, подвергся обсуждению и вызвал споры вопрос, связанный с предложением Риббентропа о том, чтобы Литва и даже Латвия вошли в зону германского влияния. Согласно предложению Риббентропа, зона влияния Советской России должна была проходить у границ Эстонии и захватить Финляндию. «Но Жданов и Сталин настаивали на том, чтобы зона советского влияния распространялась на все балтийские государства. В связи с этим адмиралу Кузнецову было приказано привести в боевую готовность Советский Балтийский флот»²⁴.

Информация турецкой газеты о наличии каких-то группировок в Политбюро, о критическом отношении некоторых его членов к



предложениям Сталина по внешнеполитическим вопросам вряд ли заслуживает серьезного внимания, несмотря на то, что ТАСС и направил эту информацию высшему руководству страны.

К рассматриваемому периоду вся политическая оппозиция Сталину давно уже была вырвана с корнем, и никаких антисталинских выступлений, тем более по важнейшим проблемам внешней политики, не могло быть, особенно в Политбюро.

О болезненной реакции англо-французского блока на советско-германский пакт свидетельствовала информация ТАСС от 8 ноября 1939 г. В ней сообщалось: «Париж, 8 ноября 1939 г. Агентство Гавас передало вчера по радио статью женевского корреспондента газеты «Пти паризьен» Поля Дюбоше.

В статье говорится, что, вступив в Лигу Наций, Советский Союз проводил в ней двуличную политику. С одной стороны, Литвинов афишировал сближение с западными демократиями. Другая заключалась в сближении с Германией, которая рассматривалась как наиболее опасный враг коммунистического режима. Эта политика велась в строжайшем секрете самим Сталиным при сотрудничестве Тухачевского».

В сообщении говорилось, что в результате переговоров Генеральных штабов Германии и СССР и при посредничестве торговых представителей в начале 1937 г. было заключено тайное советско-германское соглашение.

Суть его сводилась к следующему:

1. СССР отдаляется от демократических стран и покидает Лигу Наций.
2. Россия отказывается от всякого союза с Францией.
3. В случае войны Германии с одним из ее соседей Россия остается нейтральной.
4. Германия заключает с СССР на длительное время пакт о ненападении.
5. Германия постарается примирить Японию с СССР.

Пункты 6—8 трактовали принципы экономического сотрудничества между Германией и Советским Союзом. Договаривающиеся стороны взяли на себя обязательство не вмешиваться во внутренние дела друг друга.

В статье Поля Дюбоше отмечалось, что «Сталин одобрил все эти пункты соглашения и полностью выполнял их»²⁵.

Трудно сказать, насколько была достоверна информация Поля Дюбоше о советско-германских секретных переговорах в 1937 г. В Испании шла первая проба военных сил между Германией и СССР. И это был не лучший военно-политический фон для советско-германского сближения. Помимо этого, статья Дюбоше была написа-

на в ноябре 1939 г., после подписания пакта СССР с Германией, заключенного в августе того же года. И, как видно из содержания публикации, она прямо воспроизводила статьи этого пакта.

На мой взгляд, данная публикация преследовала четкую цель — скомпрометировать СССР и лично Сталина в связи с быстро развивавшимся процессом советско-германского сближения, попытаться создать против Светского Союза блок государств, придерживавшихся антигерманской и антисоветской ориентации.

Французские средства массовой информации изо дня в день публиковали резко критические материалы в адрес СССР и лично Сталина в связи с заключением пакта между Советским Союзом и Германией.

29 ноября 1939 г. то же агентство Гавас передало, по определению ТАСС, «сенсационное» сообщение по радио из Женевы. Автор сообщения ставил вопрос: «Почему СССР подписал соглашение с Германией?» И отвечал: «Мировое общественное мнение в течение долгого времени задавало этот вопрос и ищет его разрешения и по сейчас. Какие причины вынудили правительство СССР подписать... политическое и экономическое соглашение с Германией? Не было известно, при каких условиях Сталин добился единодушного согласия Политбюро на этот крутой поворот. В настоящее время вуаль сорвана. Недавно из Москвы получены из абсолютно достоверного источника наиболее точные сведения о заседании Политбюро, происходившем, по требованию Сталина, 19 августа в 10 часов вечера, и более того, о докладе Сталина, сделанном по этому вопросу».

В сообщении говорилось, что 19 августа члены Политбюро были срочно созваны на секретное заседание, на котором присутствовали главные руководители Коминтерна, но исключительно из его русской секции. Ни один иностранный коммунист, даже генеральный секретарь Коминтерна Димитров, не был приглашен на это заседание, цель которого — не указанная в повестке дня — была заслушать доклад Сталина, который тотчас же взял слово. Приводилось основное содержание его речи: «Война или мир — этот вопрос входит в свою критическую фазу. Разрешение этого вопроса полностью зависит от того, какую позицию займет Советский Союз. Мы абсолютно убеждены, что если мы заключим союзный договор с Францией и Англией, Германия будет вынуждена отступить перед Польшей и искать «модус вивенди» с западными странами. Таким образом, война может быть избегнута, и тогда последующее развитие событий примет для нас опасный характер».

Автор сообщения брал быка за рога: Сталин был уверен, что пакт с Германией немедленно приведет к началу Второй мировой



войны. И тем не менее он дал команду пойти на заключение этого пакта. Вывод ясен — Советский Союз, лично Сталин, а не фашистская Германия несут полную ответственность за развязывание Второй мировой войны. Невинновыми оказывались и французские, и английские авторы мюнхенской политики.

Откуда пришел такой политический заказ и какие он преследовал цели, было очевидно. Агентство Гавас работало на международное общественное мнение. Оно пыталось доказать, что не мюнхенская политика Англии и Франции, упорно толкавших гитлеровскую агрессию против СССР, а сам Советский Союз развязал Вторую мировую войну.

Без ответа в радиосообщении оставался очень важный вопрос: почему в «докладе» Сталина утверждалось, что сохранение мира «примет... опасный характер» для Советского Союза? Ведь СССР не был готов к войне, и его интересам, безусловно, соответствовало оттянуть ее начало, а лучше — сохранить мир.

Дальнейший ход мысли Сталина радио Женевы излагался следующим образом: «С другой стороны, — говорил Сталин на Политбюро, — если мы примем известное вам германское предложение о заключении с Германией пакта о ненападении, то Германия, конечно, нападет на Польшу и вступление в войну Англии и Франции станет неизбежным. При этих обстоятельствах мы будем иметь много шансов на то, чтобы остаться вне конфликта и сможем занять выжидательную позицию с выгодой для себя. Это полностью отвечает нашим интересам. Таким образом, наш выбор ясен. Мы должны принять германское предложение и отправить с вежливым отказом домой англо-французские миссии. Не трудно предвидеть, какие преимущества мы получим при подобном разрешении вопроса. Для нас ясно, что Польша будет уничтожена еще до того, как Англия и Франция придут к ней на помощь. В этом случае Германия уступит нам часть Польши до Варшавы, включая Украинскую Галицию».

Процитированная часть «выступления Сталина» преследовала четкую цель — возложить вину на Сталина за провал переговоров в Москве между СССР, Англией и Францией. Читателю внушалась мысль, что Сталин сорвал переговоры, отправив «с вежливым отказом домой англо-французские миссии».

Сталин, в трактовке агентства Гавас, в деталях излагал преимущества для СССР от заключения пакта: «Германия предоставляет нам свободу действий в трех балтийских странах. Она не противится возвращению России Бессарабии. Германия готова уступить нам как зону влияния Румынию, Болгарию и Венгрию. Открытым остается вопрос о Югославии. Разрешение этого вопроса зависит от того,

какую позицию займет Италия... Все это при учете, если Германия выйдет из войны победительницей».

Однако, продолжал Сталин, мы должны предвидеть как возможность поражения, так и возможность победы Германии. Рассмотрим вариант германского поражения. Сталин считал, что в случае поражения Германии есть шансы создать в этой стране советский строй. Но Англия и Франция сохранят еще достаточно сил, чтобы занять Берлин и разрушить советскую Германию, и СССР не будет в состоянии оказать ей эффективную помощь. «Таким образом, — резюмировал Сталин, — наша цель — добиться того, чтобы Германия смогла вести войну возможно более долгое время с тем, чтобы Англия и Франция устали и не были бы в состоянии разбить советскую Германию».

Сталин продолжал: «Отсюда наша позиция: полностью оставаясь нейтральными, мы экономически помогаем Германии, поставляя ей сырье и продукты питания... В то же время мы должны активно вести коммунистическую пропаганду, особенно внутри англо-французского блока и специально во Франции. Мы должны быть готовы к тому, что в этой стране наша партия будет вынуждена в военное время отказаться от легальной работы и перейти к подпольной деятельности. Мы знаем, что такая деятельность требует больших средств, но мы должны без колебаний пойти на эти жертвы. Если эта подготовительная работа будет произведена надлежащим образом, безопасность советской Германии будет обеспечена. Эта последняя сможет содействовать советизации Франции».

Для всего этого, как я уже сказал, более всего необходимо, чтобы война длилась возможно более долгое время, и именно сюда должны быть направлены все находящиеся в нашем распоряжении средства».

Рассматривая вторую гипотезу — победу Германии, Сталин отмечал, что некоторые считают, что подобная возможность представляет для нас наиболее серьезную опасность. В этом предположении имеется доля истины, но ошибочно думать, что эта опасность столь близка и столь велика, как это некоторые себе представляют²⁶.

Если Сталин действительно рассматривал возможность подобного развития событий и не видел ничего страшного в возможной победе Германии, то объяснение этому можно было найти только в том, что, по мнению авторитетных советских разведчиков, он установил контакты с Гитлером еще в 1934 году.

Сталин и Гитлер поддерживали связь в обход МИД и разведки. В переговорах с Гитлером участвовал личный посланник Сталина, торгпред в Берлине Давид Канделаки, с немецкой стороны — имперский министр Я. Шахт. Шахт, пережил своего вождя. Канделаки, увы, — нет. Возможно, он не слышал одну старую английскую муд-



рость: «Когда монарх доверяет подданному государственную тайну, тот не должен удивляться, услышав по себе колокольный звон»²⁷. Канделаки был расстрелян в 1937 г. Эти контакты между Сталиным и Гитлером, писал В. Кривицкий, велись с 1934 г.²⁸.

Возвращаясь к сообщению агентства Гавас, отметим, что оно информировало и о том, что столь же подробно Сталин излагал последствия победы Германии с точки зрения интересов СССР. Советский руководитель заявлял, что надо сделать все необходимое, «чтобы война, будучи объявленной, продолжалась максимально долго». В заключение сообщения говорилось: «Доклад Сталина, прослушанный с благоговением, не вызвал никакой дискуссии. Были поставлены лишь два вопроса, на которые Сталин ответил. Предложение Сталина о принятии пакта о ненападении с Германией было единогласно принято. Затем Политбюро приняло решение, обязывающее председателя Коминтерна Мануильского выработать вместе с секретарем Димитровым и под личным руководством Сталина инструкции для иностранных коммунистических партий»²⁹.

Привожу изложение пространного сообщения агентства Гавас в качестве примера того, как в англо-французском блоке объясняли решение Сталина о необходимости заключить пакт с Германией.

За достоверность этой информации, особенно за подробное изложение доклада Сталина на Политбюро, трудно поручиться. Доклад Сталина изложен подробно, в протокольном стиле. Однако известно из ряда мемуаров советских руководителей, что протоколы на заседаниях Политбюро не велись.

Советско-германский пакт 1939 г. справил свою годовщину. Надежды оптимистов из англо-французского блока на то, что флирт между Сталиным и Гитлером будет непродолжительным, явно рушились. Военное счастье обходило стороной западные демократии, а сотрудничество между СССР и Германией все более развивалось, порождая растущую тревогу и в Великобритании, и за океаном.

С особым напряжением за Москвой и Берлином наблюдали с Британских островов. После капитуляции Франции 22 июня 1940 г. Англия один на один вела тяжелейшую войну с Германией, которая использовала военно-экономический потенциал фактически всей Европы, оккупированной немцами.

Англия получала большую и все возрастающую экономическую и военную помощь от Соединенных Штатов. Однако, как обоснованно заявляла одна из английских газет, эта помощь уравновешивалась советско-германским многосторонним сотрудничеством.

Каковы же были перспективы войны для Англии в этих труд-

нейших условиях? Куда пойдет дальше Советский Союз? Каких новых неожиданностей можно было ожидать от Сталина?

Во многом на эти важнейшие вопросы отвечала статья «Советские цели войны», опубликованная 4 октября 1940 г. в английском журнале «Фри Юроп»: «Каким образом Сталин намерен использовать обстановку, созданную войной? Какова его политика в Европе и в Азии? Сколько времени могут продолжаться его дружба и сотрудничество с Гитлером? Прежде чем попытаться ответить на эти вопросы, — говорилось в статье, — мы должны понять внутренний склад ума советского диктатора, психологические мотивы его политики».

Автор констатировал: Сталин убежден, что мировая коммунистическая революция совпадает с интересами Советской России. Он не может представить себе Россию без него, без коммунистической партии, без советской системы. Он искренне верит, что Россия может существовать и процветать только при одном том условии, что капиталистическая цивилизация будет ослаблена и уступит место коммунистическому строю.

Автор глобально оценивал советские внешнеполитические цели: постепенный раскол цивилизованных стран под ударами войны даст Советскому Союзу возможность укрепить свое господство. Сначала СССР восстановит исторические и этнографические границы старой России, затем распространит свое влияние на страны, входящие в сферу русского жизненного пространства, затем на страны, созревшие для коммунизма, и, наконец, на весь мир.

«Мечтой Сталина, — говорилось в статье, — является создание мировой федерации союза социалистических республик со столицей в Москве. Сам он должен занять место верховного владыки и абсолютного властелина.

Первая задача Сталина — затянуть войну настолько это будет возможно и вовлечь в нее как можно больше стран. Вторая задача — сделать все, что в его силах, для того, чтобы оттянуть вступление СССР в войну».

С этой точки зрения автор был прав. Сталин, зная, что страна не готова к войне, пытался сделать все возможное, чтобы продлить для СССР мирную передышку.

«Он знает, — подчеркивалось в статье, — что в конечном счете Советская Россия должна будет воевать, и поэтому держит свою армию в состоянии боевой готовности, усиливает военную подготовку и повышает производство оружия и боеприпасов. Его ближайший план — использовать национал-социалистскую Германию в качестве тарана против демократических держав. Он надеется, что борьба против демократических стран настолько истощит Герма-



нию, что она не будет в состоянии напасть на СССР, и что он сам накопит достаточно сил, чтобы включить Германию в состав советской мировой федерации».

Автор в деталях исследовал конечные и ближайшие цели в войне обоих партнеров по пакту 1939 г.: «Было бы ошибочным предполагать, что в настоящее время отсутствует единство цели между Сталиным и Гитлером. Их конечные цели могут быть противоречивыми — фактически так оно и есть. Однако ближайшие цели Гитлера и Сталина точно совпадают. Оба они ненавидят демократию, и оба хотели бы видеть Британскую империю разрушенной».

Ненависть Сталина к Англии еще более сильна, чем ненависть Гитлера. Он считает Британскую империю оплотом капиталистической цивилизации и убежден, что разрушение этого оплота позволит коммунистическим силам развернуться во всем мире».

Устремления Сталина, подчеркивал автор, не ограничиваются восстановлением границ старой Российской империи и аннексией стран со славянским населением. Как Гитлер, Муссолини и японские империалисты, Сталин претендует на лебенсраум (жизненное пространство. — *Р.И.*) для СССР. Надо полагать, что его притязания носят экспансионистский характер и выходят далеко за пределы законных интересов русской нации³⁰.

В рассмотренной статье обращает на себя внимание постановка вопроса о стремлении Сталина к мировому господству. Автор тем самым подводил читателей к выводу, что этот курс советского лидера не отличается от политики Гитлера, открыто провозгласившего в своей книге «Моя борьба» планы установления в мировом масштабе «нового порядка». Если не говорилось прямо, то подразумевалось, что оба претендента на мировое господство не случайно заключили между собой пакт 1939 года.

Статья в английском журнале «Фри Юроп» лишний раз доказывала, что, подписав пакт о ненападении с фашистской Германией, Советский Союз поставил себя в сложнейшее политическое и морально-психологическое положение, дав возможность обвинять себя в пособничестве агрессивной политике гитлеровской Германии.

В ноябре 1940 г. состоялся визит народного комиссара иностранных дел Молотова в Берлин и его встреча с Гитлером; предпринята эта поездка была по инициативе германской стороны. Визит Молотова в Берлин был очень непродолжителен. 9 ноября 1940 г. его провожали на Белорусском вокзале в германский вояж, а 13 ноября здесь же наркома иностранных дел встречали после завершения его миссии.

Однако значение этого короткого визита было исключительно важным. С момента подписания в августе 1939 г. советско-германского пакта

это была первая и единственная советско-германская встреча на столь высоком уровне. И естественно, что она вызвала самые оживленные комментарии, в первую очередь в демократических странах Европы.

В период с 11 по 13 ноября все крупнейшие газеты Англии, Франции, США уделили встрече Молотова с Гитлером самое большое внимание. Лондонская «Таймс» заявляла: «Гитлер будет, по-видимому, давать всякого рода обещания русским, потому что он застрял на Западе. Обе стороны готовы пойти на большие уступки, чтобы избежать войны».

В демократических странах прекрасно знали результаты переговоров Молотова с Гитлером в Берлине в 1940 г. Английский автор подчеркивал, что Гитлер в случае своей победы «обещал России богатое вознаграждение в обмен на сохранение мира на Востоке. Он смог обещать ей Персидский залив и всю Индийскую империю. Какое контрпредложение могли сделать союзные страны в ответ на эти щедроты?»^{30а}.

Широкий жест Гитлера, пообещавшего Молотову передел сфер влияния мирового масштаба, был хорошо известен в Англии и в других странах антигерманского блока. Но они были не менее информированы и о том, что это было только обещание, причем в провокационных целях. Гитлер рассчитывал на то, что СССР согласится на этот передел мира и будет нести такую же политическую и моральную ответственность за агрессию, как и фашистская Германия.

Комментарий «Таймс» был обоснованным. Гитлер, действительно, предложил Молотову пересмотр сфер влияния мирового масштаба. Соответствовало действительности и мнение о том, что в момент визита Молотова в Берлин Германия еще не была готова к войне против Советского Союза ни с военной, ни с политической точки зрения. Что касается СССР, то курс Сталина был очевиден — оттянуть начало войны для Советского Союза на максимально длительный срок.

Английская «Дейли геральд» писала: «Германия оказала максимально возможное дипломатическое давление на Россию, поддерживая это давление концентрацией 100 армейских дивизий вблизи советских границ. До сего времени она добилась некоторых успехов. Теперь она желает добиться позитивного сотрудничества, чтобы Россия в той или иной форме присоединилась к пакту трех».

В этой публикации обращало на себя внимание сообщение о концентрации на советских границах 100 германских дивизий³¹. Не надо было быть военным и политическим стратегом, чтобы сделать из этого вывод: такая огромная сила не может долго бездействовать, нападение Германии на СССР неизбежно и произойдет оно в кратчайшие сроки.



Как известно, Сталин тем не менее игнорировал все факты, свидетельствовавшие о неизбежности, и в самом ближайшем будущем, агрессии Германии против Советского Союза.

Маниакальная уверенность Сталина в своей правоте, стоившая СССР таких чудовищных жертв, поразительна. И она еще ждет своего объяснения.

Ассошиэйтед Пресс, комментируя визит Молотова в Берлин, сообщало: «Поездка имеет целью укрепление советско-германских отношений, не заключая военного союза. СССР, возможно, согласится на раздел сфер влияния в Турции и на Ближнем Востоке. Поездка вызвала серьезные опасения в Турции, которая желает благоприятного нейтралитета СССР, но будет воевать в случае возникновения для нее угрозы».

Газета «Нью-Йорк таймс» предсказывала заключение советско-японского соглашения. Прогноз подтвердился. В апреле 1941 г. действительно было подписано советско-японское соглашение о нейтралитете. Интерес же американской стороны к японскому аспекту визита Молотова в Берлин был понятен — на Дальнем Востоке назревал новый грандиозный военный конфликт, схватка между США и Японией.

Эта же газета поместила статью Пертинакса, в которой говорилось: Германия заявляет о признании того, что вступление германских войск в Румынию выходит за рамки советско-германского пакта и что она готова пойти на большие территориальные уступки, в том числе пересмотреть бессарабскую границу, в результате чего Советский Союз получит суверенитет над северной частью дельты Дуная. От Советского Союза требуют оказать давление на Турцию и, в случае необходимости, спровоцировать смену режима в этой стране³².

В сообщении из Лондона от 11 ноября 1940 г. вашингтонский корреспондент газеты «Дейли телеграф энд морнинг пост» информировал: «В Вашингтоне считают, что позиция Советского Союза состоит в том, чтобы ценой, если надо, самых больших жертв избежать войны, но одновременно быть готовым “захватить любую дополнительную территорию, которая может оказаться доступной для Советского Союза в результате военных операций, проводимых другими державами”».

В том случае, сообщал корреспондент, если будет достигнуто советско-японское соглашение, оно не будет особенно стабильным и продолжительным. Однако даже если оно будет носить только временный характер, то и тогда это соглашение может быть «прелюдией к продвижению Японии к Голландской Индии, чтобы вынудить

дить американское правительство принять решение о своей политике на Дальнем Востоке раньше, чем этого можно было ожидать»³³.

Вашингтонский корреспондент агентства Ассошиэйтед Пресс сообщал: «Перспективы американских попыток улучшить отношения с Советским Союзом кажутся сегодня менее благоприятными в связи с визитом Молотова в Берлин. Официально посещение Молотовым Берлина не комментируется в ожидании более полной информации по поводу советско-германских переговоров. Однако в общем сообщении об этом расценивается как свидетельство продолжающегося тесного сотрудничества между СССР и Германией. Переговоры государственного департамента США с Уманским (посол СССР в США. — *Р.И.*) по торговым вопросам продвигаются очень медленно. США дали разрешение на закупку станков для СССР на сумму в 7 млн долларов, но, как передают, Советский Союз рассчитывал на большее». Далее корреспондент заявлял, что продолжение советско-американских переговоров, очевидно, будет зависеть от результатов визита Молотова в Берлин и размаха германо-советского сотрудничества³⁴.

«Вашингтон пост» отмечала провал попыток оторвать Советский Союз от держав оси. Советский Союз и Германия уже достигли нового соглашения. Условия его неизвестны, но они означают по крайней мере нейтралитет СССР в отношении держав оси на Балканах. Возможно, хотя и менее вероятно, что Советский Союз готов активно сотрудничать с Германией, Италией и Японией в создании «нового порядка» в Европе и Азии. В связи с неспособностью Германии быстро разгромить Англию, позиция Советского Союза для заключения сделки изменилась. Размеры советского сотрудничества с державами оси будут видны из развития событий в Турции и Китае.

В приведенном американском комментарии звучал регулярно повторявшийся в демократических странах Запада мотив — после подписания советско-германского пакта 1939 года СССР стал пособником агрессивных планов стран оси в установлении «нового порядка» в мировом масштабе.

Юнайтед Пресс, комментируя поездку руководителя советского внешнеполитического ведомства в Берлин, указывало, что Молотов отправился в Берлин как осторожный посредник, а не как проситель. Молотов ставит своей целью защиту советских интересов. Предположение, что Советский Союз намерен присоединиться к державам оси и распространить войну на Юго-Восточную Европу, не объясняет, каким образом этим самым Советский Союз будет постоянно извлекать выгоду. Более вероятно, что Молотов



отправился обсудить советско-германские вопросы, а не большую стратегию держав оси. «Советская и германская армии стоят друг против друга в Финляндии и Румынии, поэтому поездка Молотова будет успешна, если она даже временно разрядит напряженность такого положения»³⁵.

В комментарии Юнайтед Пресс признавалось, что Молотов не был в Берлине «просителем», что Советский Союз, Сталин, пойдя на подписание пакта с Германией, сохраняли свой, отличный от рейха внешнеполитический курс.

Ассошиэйтед Пресс доказывало, что поездка свидетельствует о неудаче английской дипломатии добиться сближения с Советским Союзом.

В Швейцарии заявляли, что советское правительство считает нынешний момент, когда Англия оказывает сопротивление и Рузвельт переизбран на пост президента, наиболее подходящим для того, чтобы заставить Германию платить высшую цену.

Румынская газета «Кувынтул» писала: «Неспособность английских интриганов заключается в том, что они не поняли великой речи Сталина (на XVIII съезде партии. — *Р.И.*), в которой он отказался “таскать каштаны из огня в интересах западных капиталистов”. Визит Молотова настолько углубит германо-русские отношения, что можно будет создать базу для переустройства Европы и Азии»³⁶.

Румынский сателлит Германии явно не понял, что Сталин не собирался «таскать каштаны» из огня Второй мировой войны ни для Англии с Францией, ни для Германии.

Румыния к рассматриваемому времени уже превратилась в сателлита Германии (вопреки советско-германскому пакту 1939 г.), и в высказываниях румынской печати, как видно из этого сообщения, отчетливо звучали холуйские нотки восторга по поводу фашистского «переустройства Европы и Азии».

Японское агентство Домей Цусин сообщало из Вашингтона, что соглашение об укреплении советско-германского сотрудничества сведет на нет попытку Англии и Америки добиться дружбы со Сталиным.

Красные проявляют признаки готовности заключить соглашение с Японией, говорилось в сообщении. Достижение советско-японского взаимопонимания в значительной степени лишило бы смысла установление более тесного советско-американского сотрудничества. Ожидают решительного поворота в политике американского правительства.

Домей Цусин передавало из Берлина: «Находящиеся в Риме иностранные обозреватели предсказывают, что одновременно с кон-

ференцией в Берлине державы оси расширят военные действия против Англии, распространив их на Балканы и на восточную часть Средиземноморского бассейна, в частности на Сирию».

Японские газеты «Асахи», «Кокумин» и «Иомиури» посвятили 12 ноября 1940 г. передовицы визиту Молотова. «Асахи» рекомендовала Германии и Италии достигнуть взаимопонимания со стороны СССР, дабы последний «не оказался пойманным в ловушку Англией и США, пытающимися отдалить Советский Союз от держав оси», заручиться поддержкой СССР для создания нового мирового порядка. Цитируя Калинина, «Асахи» подчеркивала, что нейтралитет СССР не будет противоречить интересам Германии и Италии.

«Кокумин» заявляла, что советско-германские переговоры явятся мощным рычагом для советско-японских переговоров³⁷.

Домей Цусин сообщало: «В кругах, близких к советскому посольству в Лондоне, намекают, что визит может привести к заключению нового советско-германского соглашения, обеспечивающего советский нейтралитет в европейской войне. В местных советских кругах не рассчитывают на улучшение англо-советских отношений. В некоторых кругах Лондона переговоры рассматривают как внезапный поворот политики СССР в сторону держав оси. Переговоры вызвали повышение курса на токийской бирже. Особенно поднялись акции полуправительственных концернов, связанных с угольными и нефтяными концессиями на Северном Сахалине»³⁸.

Блоки, союзы, коалиции — обычное явление при военно-политических конфликтах мирового масштаба. Однако в рамках таких союзов, так было и среди держав, создавших ось, всегда проявляется стремление беспокоиться в первую очередь об интересах своей собственной страны.

Это наглядно проявилось в комментариях японской стороны на результаты встречи Молотова с Гитлером и другими руководителями Германии. В этих комментариях отчетливо просматривается главный для Японии момент — какое воздействие поездка Молотова в Берлин окажет на развитие событий на Тихом океане, где японцы готовились к нанесению удара по Соединенным Штатам.

В японских комментариях обращало на себя внимание и то, что, по мнению японской стороны, встреча Молотова с руководителями фашистской Германии будет способствовать расширению военных операций стран оси. Подобная постановка вопроса лишней раз представляла СССР как пособника агрессии фашистской Германии и ее союзников. В этом еще раз проявлялся негативный для Советского Союза резонанс советско-германского пакта 1939 г. Консервативные круги демократических стран широко использовали



такие публикации в странах оси для дискредитации Советского Союза и в первую очередь — лично Сталина.

Англия была единственной страной, которая вела активные военные действия против Германии. И естественно, что именно англичан больше всего интересовал и беспокоил визит Молотова в Берлин. «Таймс» писала: «Приглашая Молотова, Гитлер делает новую попытку противодействовать все усиливающемуся состоянию застоя в национал-социалистской политике. Возможно, что державы оси хотят добиться большей помощи от России, главным образом в области снабжения».

Ассошиэйтед Пресс передавало выступление министра США Нокса на церемонии по случаю дня перемирия, состоявшейся в Колумбии (штат Южная Каролина). Нокс заявил, в частности: «Только вчера было получено сообщение о новом обмене мнениями между Германией и Россией. В своих попытках захватить мировое господство Германия совершенно очевидно стремится укрепить свои силы путем расширения сотрудничества с Россией. Мы не встретим эту угрозу одними словами. Единственно правильным шагом является встретить ее делами. В настоящее время принимается в расчет скорее то, что мы делаем, чем то, что мы говорим...»³⁹

У Москвы были все основания с тревогой воспринять эту американскую реакцию на визит Молотова в Берлин. Сталин, как неоднократно уже отмечалось, понимал неизбежность войны СССР с Германией и делал все возможное, чтобы оттянуть ее начало. Раз война с Германией неизбежна, то необходимо заранее позаботиться о союзниках. Тем более что Германия использовала для укрепления своего военно-экономического потенциала ресурсы почти всей Европы, оккупировав многие страны Европейского континента.

Только две великие державы — СССР и США — пока не участвовали во Второй мировой войне. И для Советского Союза, для Сталина позиция Соединенных Штатов была далеко не безразлична. США и СССР были потенциальными союзниками с учетом того, что обе страны не устраивал курс Германии на завоевание полного господства в Европе. И Советский Союз, и Соединенные Штаты серьезно беспокоила агрессивная политика Японии на Дальнем Востоке, угрожавшая национальным интересам обоих государств. Для Сталина высшим авторитетом во всех вопросах, в том числе и во внешней политике, был Ленин, который вскоре после Первой мировой войны заявил, что военное столкновение между США и Японией неизбежно. А раз так, значит, появляются дополнительные аргументы для советско-американского сближения.

СССР и США не могли долго оставаться вне участия во Второй мировой войне. А когда они вступят в войну, произойдет перегруппировка сил мирового масштаба, в которой Соединенные Штаты сыграют решающую роль. С учетом всего сказанного угрожающие нотки в заявлении министра не могли не насторожить Москву.

Рейтер передавало: «В Лондоне не склонны преувеличивать значение поездки Молотова. Это оправдывается контрастом между сдержанностью советской печати и крикливостью германской».

Политика СССР была продиктована стремлением не оказаться вовлеченным в войну. Как бы ни расходилась эта политика с интересами русского народа, Москва, говорилось в сообщении Рейтер, не может легко от нее отказаться, пока существует замешательство, вызванное политикой насилия Гитлера.

Английские круги не питали никаких иллюзий по этому вопросу, несмотря на то что английское правительство стремилось установить полнейшее взаимопонимание с советским правительством и создать самые дружественные и плодотворные отношения.

Общее настроение было удачно выражено в следующем заявлении в передовой «Таймс»: «Молотов, возможно, окажется хорошим слушателем. Вряд ли он обяжется вести политику, которая превратит Россию в покорного спутника германской политики в Восточной Европе и на Ближнем Востоке. Молотов разочарует национал-социалистских лидеров своим нежеланием согласиться с неизбежностью поражения Англии»⁴⁰.

Подобные комментарии свидетельствовали о том, что именно в Великобритании наиболее точно определяли действительную позицию СССР на сенсационной встрече Молотова с Гитлером.

В этом нашел проявление традиционно высокий профессионализм британского внешнеполитического ведомства. В комментариях английской печати, при всем ее резко негативном отношении к СССР и лично к Сталину, проявился трезвый реализм, понимание того, что нет совпадения стратегических позиций СССР и Германии, Сталина и Гитлера.

Идеологические и политические факторы, когда имеются в виду отношения между странами, принадлежащими к антагонистическим общественно-экономическим формациям, играют очень важную роль. И тем не менее эта роль не определяющая. Есть геополитические аспекты отношений между государствами, которые берут верх над идеологическими, политическими, классовыми факторами. Показательно, что через все перипетии идеологических и политических баталий предвоенного и начального периода Второй мировой войны мир к моменту главных сражений Второй мировой



войны в основных чертах пришел к той же расстановке сил, как и в период Первой мировой войны. Главные страны Антанты — Россия, Англия, Франция, США — вновь оказались по одну сторону военно-политических баррикад.

Английская печать широко комментировала поездку Молотова. «Ньюс кроникл» писала: «Возможные решения могут оказаться более крупными по своим последствиям, чем заключение советско-германского пакта, который ускорил наступление войны». Газета в деталях рассказывала о планах совместного советско-германского давления на Турцию, чтобы заставить ее занять позицию, необходимую для Германии. «Россия, — заявляла «Ньюс кроникл», — твердо решила не вступать в войну с Германией на данном этапе».

«Таймс» писала: «Ни одна из сторон не желает начинать войну против другой. Гитлер готов пойти на уступки Советскому Союзу, в то время, когда он занят в другом месте. Но когда наступит время, он завоюет пшеничные поля (СССР. — *Р.И.*). Сталин хорошо понимает опасность для СССР, если Германия будет господствовать в Европе. Но Сталин также знает силу и упорство Британской империи и готов ожидать. По мнению Сталина, война будет продолжительная. Или Германия будет разбита без России, или же, если СССР придется воевать с Германией, то последняя будет тогда более слабой»⁴¹.

Комментарий «Таймс» на поездку Молотова в Берлин был, пожалуй, самым глубоким и серьезным. Показательно, в частности, что старейшая и самая авторитетная английская газета выражала твердую уверенность в том, что Германия нападет на Советский Союз («завоюет пшеничные поля»). Причем этот прогноз делался после встречи Молотова с Гитлером, когда во всех странах Запада, как видно из приводимых материалов, считали поездку Молотова в Берлин важным этапом укрепления советско-германских отношений.

Шведская печать («Нюа даглигт аллехагд» и другие), основываясь на сообщении Юнайтед Пресс из Вашингтона, заявляла, что дальнейшее сближение между Германией и Россией в рамках пакта трех держав рассматривают в вашингтонских кругах как серьезный удар по внешней политике США. Правда, заключения прямого военного соглашения шведы не ожидали, но, во всяком случае, речь шла об усилении экономического и политического сотрудничества СССР и Германии. Шведские газеты, ссылаясь также на Юнайтед Пресс, утверждали, что будет образован фронт четырех держав — Германии, Италии, Японии и СССР. «Перед конференцией этих держав в Москве состоится встреча Сталина с германскими и итальянскими государственными деятелями»⁴².

Не только лондонская «Таймс», но и другие английские газеты спокойно, на высоком профессиональном уровне комментировали встречу Молотова с Гитлером. Например, «Ивнинг стандарт» писала: «Мы должны заранее предупредить против той истерики, которая охватила страну после германо-советского пакта, заключенного в прошлом году. В результате этой истерики Риббентроп достиг того, чего при обычной обстановке он не мог бы достигнуть. Не будем повторять этой ошибки в этом году. Гитлер может перерядиться, но Молотов всегда появляется в неизменной своей старой одежде; он нейтрален в этой войне. Еще до поездки в Берлин он говорил об этом неоднократно»⁴³.

Трезво оценивала результаты визита Молотова в Берлин турецкая печать. Например, известный турецкий обозреватель Джахад Ялчин в «Ени Сабах» писал: «Молотов вступает в Берлин раньше, чем английская армия. Для советской дипломатии это является настоящей победой. Берлин чувствует необходимость еще больше преклониться перед Москвой, чтобы получить поддержку, Германия жертвует своей идеологией».

Москва, подчеркивал Ялчин, не заинтересована в том, чтобы Германия добилась победы. Москва заинтересована в затяжке войны, поэтому возможно, что она окажет помощь Берлину.

Другая турецкая газета, «Ихдам», писала: «Державы оси считают, что СССР должен будет заставить Турцию проводить политику, благоприятную для оси. Но политика СССР не даёт оснований для таких надежд».

Политика Сталина направлена к спасению русского народа от войны»⁴⁴.

И вновь лондонская «Таймс», комментируя встречу Молотова с Гитлером, проявляла хорошую осведомленность о внешнеполитических планах Сталина и трезво оценивала роль советского лидера на новом этапе советско-германского сотрудничества, который ознаменовался визитом руководителя внешнеполитического ведомства СССР в столицу Германии.

Точен был прогноз «Таймс» и по вопросу о том, намерен ли Сталин начинать войну с Германией.

«Таймс» считала, что в Берлине было оказано сильное давление на русских. Сталин, делала вывод газета, готов подписать пакт (новое соглашение с Германией. — *Р.И.*); для Сталина важно, чтобы Гитлер был занят в другом месте. Сталин надеется получить по крайней мере год передышки или даже два и три. Ни одна из сторон не хочет разрыва теперь, но в их стратегии есть разница: Россия не хочет никогда воевать против Германии, в то время как Гер-



мания еще не оставила мысли воевать против России. Гитлер готовит сговор с Россией, потому что наступление на Англию потерпело поражение. Греки сопротивляются, Турция только что укрепила солидарность с Англией, Виши колеблется принять германские условия, Франко не хочет допускать германские войска в Испанию, Португалия верна дружбе с Англией⁴⁵.

Французская пресса, комментируя визит Молотова в Берлин, строила прогнозы и по вопросу о том, какова будет политика Сталина на Дальнем Востоке после новой фазы советско-германского сближения. «Жур-Эко де Пари» писала: «Не будет удивительным, если после поддержки Чан Кайши Сталин заключит договор с Токио, примирившись с фактическим положением Китая»⁴⁶.

При оценке комментариев на встречу Молотова с Гитлером бросается в глаза мощный пропагандистский элемент, который в них присутствовал. Первая встреча советского руководителя столь высокого ранга с фашистским лидером после подписания советско-германского пакта была удобным предлогом, чтобы бросить в советский огород новый, на этот раз большой, тяжелый и грязный камень. Преобладали заявления о том, что идет дальнейший процесс сближения Сталина с Гитлером, Советского Союза с фашистским агрессором.

Однако серьезные издания вроде лондонской «Таймс», более информированные и способные к серьезному анализу политики СССР и лично Сталина, за парадным фасадом советско-германской встречи видели главное — Сталин выигрывает время для, очевидно, неизбежного в будущем отражения агрессии Германии.

Визит Молотова в Берлин лишний раз показал, что назревают новые серьезные сдвиги в мировой политике, что внесет свои важные коррективы в ход Второй мировой войны.

Каково было отношение самого Сталина к встрече Молотова с Гитлером? Ответ на этот вопрос позволяет сделать вывод, насколько были обоснованы зарубежные оценки визита советского наркома иностранных дел, каковы были внешнеполитические планы советского руководителя. И в первую очередь, конечно, в отношении Германии.

Управляющий делами Совета Народных Комиссаров в годы войны Я.Е. Чадаев 14 ноября 1940 г. присутствовал на заседании Политбюро, на котором выступил Молотов с сообщением об итогах переговоров в Берлине. «Мне, — рассказывал Я.Е. Чадаев, — только что вступившему в должность управделами СНК, довелось участвовать в этом заседании и многое записать».

Показательна была реакция Сталина на сообщение Молотова о том, что Гитлер настойчиво приглашал Советский Союз совмест-

но с Германией принять участие в его плане раздела мира. В частности, Гитлер заявил, что СССР следовало бы приобрести выход к Персидскому заливу путем захвата Западного Ирана и нефтяных промыслов англичан в Иране.

Реакция Сталина была немедленной и четкой: «Разумеется, — заявил он, — Советский Союз не удастся поймать на эту удочку. Ведь это наш сосед, и с ним отношения должны быть очень теплыми, хорошими»⁴⁷.

После Молотова на заседании Политбюро выступил Сталин, который сказал, что германская сторона, а не Советский Союз, предложила организовать встречу Молотова с руководством Германии. Сталин говорил: «Гитлер сразу же после отбытия из Берлина нашей делегации громогласно заявил, что «германо-русские отношения окончательно установлены! Для нас еще до встречи с Гитлером было ясно, что он не пожелает считаться с законными интересами Советского Союза, продиктованными требованиями безопасности нашей страны. Мы рассматривали берлинскую встречу как реальную возможность прощупать позицию германского правительства».

Результаты дипломатического зондажа Молотова Сталин, ссылаясь, в частности, на концентрацию немецких войск на советских границах, определил кратко:

«...Ведется подготовка к нападению на нашу страну. Добиваясь берлинской встречи, нацистский фюрер стремился замаскировать свои истинные намерения...»⁴⁸

Сталин считал, что, заключив пакт с Германией в 1939 г., «нам удалось предотвратить нападение фашистской Германии». Однако он не переоценивал значения пакта: «Но, конечно, — продолжал Сталин, — это только временная передышка, непосредственная угроза вооруженной агрессии против нас лишь несколько ослаблена, однако полностью не устранена». Советский руководитель подчеркивал, что «правлящие круги рейха... усиливают враждебные против нас действия, как бы акцентируя, что проблема нападения на Советский Союз уже предрешена». Сталин ставил вопрос: «Какой был смысл разглагольствований фюрера насчет планов дальнейшего сотрудничества с Советским государством? Могло ли случиться, что Гитлер решил на какое-то время отказаться от планов агрессии против СССР, провозглашенных в его «Майн кампф»? Разумеется, нет», — твердо сказал Сталин⁴⁹. Сталин трезво и высоко оценивал военные успехи Германии. Он говорил, что разгромлены и вынуждены капитулировать шесть европейских стран. «Этот факт можно рассматривать только как огромный стратегический успех фашист-



ской Германии... Теперь Гитлер поставил перед собой цель расправиться с Англией, принудить ее к капитуляции».

Однако определяя стратегию фашистского рейха, Сталин был твердо убежден: «Но это не главное для Гитлера, главное для него — нападение на Советский Союз».

Тихо, но твердо Сталин произнес:

— Мы все время должны помнить об этом и усиленно готовиться для отражения фашистской агрессии.

Сталин подробно говорил о том, как нужно готовиться к отражению этой агрессии, о необходимости укреплять новую советскую западную границу, проводить перегруппировку войск в приграничной зоне и т.д.

Большое внимание он уделил дипломатической подготовке к отражению немецкой агрессии против СССР. «Мы должны, — говорил Сталин, — повести дело так, чтобы побыстрее заключить пакт о нейтралитете между Советским Союзом и Японией... Надо ее нейтрализовать. Вместе с тем надо усилить военно-экономическую помощь китайскому народу. Нам необходимо вести дело на ослабление гитлеровской коалиции, привлекать на нашу сторону страны-сателлиты, попавшие под влияние и зависимость гитлеровской Германии»⁵⁰.

Много и подробно Сталин говорил о необходимости быстрого перевооружения Вооруженных Сил СССР, о развитии военной промышленности.

Оценки, данные Сталиным результатам визита Молотова в Берлин, позволяли сделать вывод, что резкая смена ориентиров в советской внешней политике не дала тех результатов, на которые надеялся Кремль. Угроза военной опасности стремительно нарастала.

Известный отечественный военный историк А.С. Орлов пишет, что «Сталин до последнего момента не верил, что Гитлер решится сражаться на два фронта... Сталин рассчитывал оттянуть нападение Германии, ставшее неизбежным в 1941 г., до 1942 г. Он полагал, что к этому времени СССР будет полностью готов к войне»⁵¹.